

Борис Споров

Дети войны

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2015

УДК 244
ББК 86 372
С73

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р15-505-0299*

Споров Б. Ф.

С73 Дети войны. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. — 128 с.

В основу этой небольшой книги положены воспоминания священника провинциального русского городка. Детские годы главного героя Сергея (будущего отца Сергия) пришлось на Великую Отечественную войну. Много совсем не детских невзгод выпало пережить ему и его сверстникам; до совершеннолетия дети войны становились взрослыми. Пройдя через страдания, через отчаяние, через горечи и радости, обрели они самое главное — святую веру, ниспосланную Утешителем.

Книга адресована и взрослым, и детям — всем, у кого доброе сердце и сострадательная душа.

УДК 244
ББК 86 372

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2015
© Споров Б. Ф., текст, 2015

ISBN 978-5-88017-506-2

От издательства

Семь десятилетий минуло со дня окончания Великой Отечественной войны. Но и поныне она в наших сердцах и в памяти нашей. Все дальше отзвуки былых боев, все ближе человеческая боль — воина ли, калекой вернувшегося с фронта, солдатки, оставшейся вдовой, детей в их сиротской доле... О детях той далекой теперь войны написано много. Владимир Богомолов, Валентин Пикуль, Василий Белов, Валентин Распутин... Они рассказали о сверстниках своих с такой сердечной, непреходящей болью, что и поныне, точно въявь, видишь те суровые дни, и поныне страдаешь тем, кто пережил их, пытаешься понять и принять на

себя хоть малую толику того страшного, непомерного горя, которое извели они — мальчишки, до времени ставшие взрослыми.

Повесть в рассказах Бориса Спорова — одна из лучших, одна из самых честных, исповедальных книг о своем поколении. Сколько же пришлось претерпеть его героям — мальчишкам из небольшого русского городка: и голод, и страх оказаться без крова, и потерю отца. Многие сломались, ослабли духом. Но многие (и среди них главный герой повести) выстояли, обрели нравственную опору — веру в Бога, своего главного Утешителя на всю оставшуюся жизнь.

От автора

Однажды моим соседом по больничной койке оказался седовласый мужчина, примерно одного со мной возраста. При знакомстве сосед представился священником, отцом Сергием. Был он непритязателен в быту и общителен. С добрым юмором, в подробностях батюшка вспоминал свое военное и послевоенное детство. Он даже утверждал, что с особой любовью вспоминает беды и трудности тех горьких, горестных лет, потому что тем самым Господь вразумлял и вел заблудших к вере.

— А иначе до нас, грешных, и не достучишься! — не раз добродушно восклицал он. — Через страдания Господь и ведет нас к вере...

Потребовалось время, чтобы я с горечью задумался о детях войны. До сих пор о нашем малорослом поколении очень мало сказано. А ведь судьба его, может быть, наиболее тяжелая и по-человечески героическая. О голоде в оккупации, о рабском труде в плену мы что-то знаем. А вот многое ли известно о подростках войны в родном отечестве? Обозначена ли судьба поколения? Увы, нет. Об этом помалкивали и помалкиваем: нельзя же омрачать военную победу! А ведь подростки с тринадцати-четырнадцати лет работали на заводах в две смены воистину за дополнительные двести-триста граммов хлеба. Кто помнит, что из подростковой зарплаты, подлинно копеечной, вычитали налоги подоходный, бездетный, взимали за облигации займов? До совершеннолетия дети войны становились взрослыми, нередко инвалидами труда — и в то же время мастерами своего дела на десятилетия вперед. Послевоенная разруха легла и на их плечи. Пройдя через РУ и ФЗО, через ученичество на практике, восстанавливали заводы, строили гидростанции, отправлялись на комсомольские стройки, на «безумную» целину — и даже первыми полетели в космос.

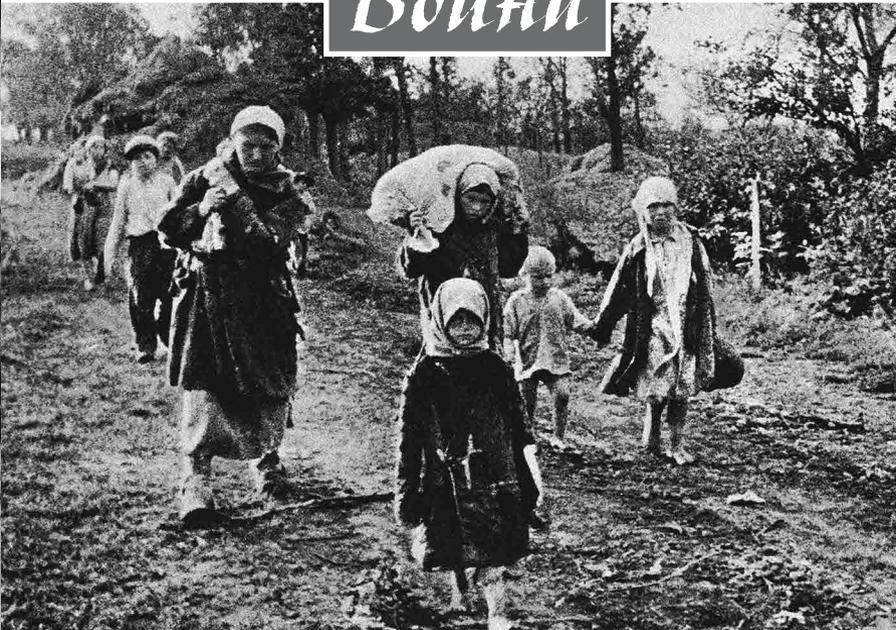
И, конечно же, многие сломались: отравились махоркой и водкой, в детдомах пережили сиротство, прошли через тюремные лагеря, раньше срока уходя в мир иной.

И все-таки во многом прав протоиерей Сергей: те горькие дни — действительно испытание. А из отчаяния Господь вывел нас и вывел к вере. Но вера была запрещена, и в роковые годы ее нередко подменяла нравственность. Нельзя сказать, что вот, мол, все стали высоконравственные — лишь малое стадо. Но взаимовыручка была, друг другу помогали, принимали в семьи сирот, сострадали друг другу и терпели — через все это люди и **шли к вере**, в конце концов разумея, **как жить**.

Воспоминания из больничных бесед с отцом Сергием и собраны мной в эту небольшую книжицу — для памяти.

Война

Поросенок

Помню самое раннее свое детство — лет уже шестьдесят с лишним минуло с тех пор: довоенный окраинный город и я, уличный ребенок, безбожная голытьба. А рядом, в соседях, в богатом по тем временам доме за сплошным высоким забором, жил фельдшер Юш со своей семьей. Росли у него сын, мой ровесник, и дочь, годами двумя младше. К сыну меня и пригласили поиграть. Я знал игры уличные: «в лунки», «в чижа», «в альчики», «в ляngu», «в ножички», «в казаки-разбойники», — меня же пригласили поиграть с домашним ребенком в игрушки, каких у меня никогда не было.

Выволокли откуда-то корзину или ящик с игрушками. И я мгновенно задохнулся от восторга и зависти: сверху лежал красивейший поросенок (как я теперь понимаю, из папье-маше) в форме моряка, в матроске

с ленточками. И этот поросенок представился мне героем. Зависть сокрушила меня настолько, что я тотчас поверил: будь у меня такой вот «морячок», я был бы счастливым на всю жизнь. Никакие другие игрушки я не запомнил, зато и до сих пор помню ощущения, как согревал в ладонях поросенка, как ласкал его, даже слюнки скапывали с губ. И настолько велика была страсть, что я решил выкрасть этого поросенка немедленно. И унес его, буквально цепенея от страха быть уличенным.

Конечно же, думаю я теперь, хозяева или видели покражу, или обнаружили пропажу позднее, но не придали этому значения — невелика утрата. Но я-то нес домой сокровище, представляя, как поставлю поросенка на самое видное место, чтобы смотреть на него и радоваться.

Но мама спросила: «Где взял?» И я тотчас соврал: «Взял у Юша поиграть». «Поиграй и отнеси», — последовал приговор...

И начались мои кратковременные мытарства: сначала я попросту носил поросенка в руке и в кармане — не расставался; затем начал прятать, чтобы скрыть, сказав, что отдал. Несколько дней спустя я решил как-то видоизменить поросенка, чтобы его

никто не узнавал, понятно, кроме меня... А кончилось тем, что я начал мыть его — и поросенок развалился. И затем где-то на задворках я закопал украденную и изуродованную игрушку — к тому времени я уже разлюбил своего кумира.

С какой же длинной цепью поступков оказалась мелкая детская зависть!

И вот с этого начиналась сознательная жизнь! Тогда, уже через неделю, я забыл эту историю, однако затем добрые полвека поступок смущал меня и точил мою совесть: не завидуй, не зарьясь, не воруй — впрок не пойдет.

Первая встреча

Родился я и жил до десяти лет в городе без церквей. Родители и родня — атеисты, жесткие, непримиримые. Казалось, и весь город жил без Бога. Лишь соседка по дому, Моторнова, вдова с тремя сыновьями, была верующей. Но уже дети ее не признавали Бога. Поначалу я водился с младшим из братьев. В их доме и состоялась моя первая «встреча с Богом». Дошкольником, лет пяти-шести, однажды пришел я к приятелю в гости — посмотреть картинки;

ни матери, ни братьев в доме не было. В комнатах держался устоявшийся, не проходящий запах — теперь-то я знаю! — запах лампадного масла и ладана... Пасмурная осень. Сумрачно. В углу перед иконами, казалось, ярко горела лампадка. Приятель снимал с этажерки книги, тяжелые, энциклопедические, и мы, устроившись на полу, смотрели картинки — единственное, чем можно было заняться. Никаких игр ни у него, ни у меня не было.

И вот в какой-то момент я поднял взгляд на иконы — и напрягся. Произошло что-то и до сих пор непонятное мне: иконы темные, разглядеть их подробно — никак, но на меня кто-то смотрел. И охватил страх до боли во лбу. Вскоре мне уже трудно было дышать, во рту пересохло. Через всю жизнь не пронести подробные ощущения, но и теперь я чувствую тот неземной страх перед иконами: укор, выговор — зачем я пришел и глазею на них? Бремя необъяснимого, животного страха, бремя стыда — осознание отчужденности и смятения — вот что и до сего дня живет во мне при воспоминании давних событий. Тогда появилось желание поскорее уйти, скрыться с глаз долой, но и уйти почему-то не мог. И я заплакал...

Война

Я хорошо запомнил начало войны 1941–1945 годов. Помню даже, когда из черной тарелки репродуктора Молотов известил о начале немецкой агрессии...

Тогда я уже тенью следовал за Юрой Моторновым, за моим учителем и генералом. Бывал с ним и в школьных классах, и в техникуме, откуда меня чаще всего выдворяли. Но Юра, напротив, любил и привечал меня, таскал с собой всюду — и на рыбалку... Так вот, в летнее время, когда в Казахстане тепло и сухо, а небо такое черное, с такими яркими близкими звездами, мы, подростки, любили спать на плоских глиняных крышах домов: двое младших Моторновых, мой дядя и двоюродные братья — и с ними непременно я. А если уж точнее, я с Юрой, с моим Долгоруким. Мы и ложились на крыше рядом, под одно одеяло, и он оберегал меня, потому что, сонный, я мог подняться по нужде и свалиться с крыши. А еще мне было таинственно с ним, радостно: среди всеобщей отторженности в нем таилась частичка любви. Мой наставник знал все звезды на небе и рассказывал про них, как про необитаемые

острова в океане. Рассказывал он мне и русскую историю. Мы даже и именовали друг друга исторически: я его — Долгоруким, он меня — Радонежским. Но это хранилось в тайне.

В ту ночь он тоже рассказывал про звездное небо, и мне запомнилось, как долго и замечательно мы не спали, перешептывались. Но почему 22 июня 1941 года я проснулся первым — не знаю.

— Юрка! — вдруг слышу окрик. — Георгий!

И я вынырнул из-под одеяла: ясное утро, солнце всюду на город косыми лучами, а с короткой лестницы или с табуретки заглядывает на крышу Николай Моторнов.

— Чего тебе? — спрашиваю.

— Юрку разбуди, — велел Николай, но Долгорукий уже и сам вскинул навстречу голову. — Вставай, Юра, война началась, с Германией.

Юра быстро поднялся и безо всякой лестницы спрыгнул с крыши на землю. Я бросил ему в руки нашу постель, а потом и сам прыгнул — это было давно отработано.

Время раннее, но взрослые уже не спали. Соседи Головачёвы и дедушка с дядей Петей Кобыяковым стояли возле выставлен-

ного на подоконник репродуктора-тарелки. Вскоре вновь объявили о начале войны с гитлеровской Германией. Я вовсе не мог представить, что ожидает нас всех, но то, что война — это не первомайская демонстрация и что война уже началась, я понял, и запомнил на всю жизнь и голоса, и лица окружавших репродуктор...

В первую же неделю мужиков начали отправлять на фронт. Вскоре в половине одноэтажного небольшого дома, в котором жили и мы, устроили проводы. Шофер Миша Головачёв и его родственники-мужчины разом уходили на фронт. Сидели, ели, пили, разговаривали, прощались со своими женами, утешали их и сами плакали.

Любопытные дети вертелись под окнами — еще бы, на фронт!

*

Все Головачёвы погибли уже в 1941 году.

*

А мы, дошкольники, бегали в городской сад — оттуда ежедневно отправляли горожан на фронт — и в саду мы сновали восторженно. Но вскоре в городе появились военные госпитали, а у соседей — первые

«похоронки». И тогда еще мы храбрились: играли в разведчиков, учились отдавать честь, прыгать, бегать, тянули себя за уши, чтобы скорее подрасти — для фронта. Тяжесть навалилась на наши детские плечи, когда всех нас настиг голод.

Вот тогда-то и началась бесконечная война: всюду смерть и голод — уже на втором году войны мы превратились в живые тени. И только некоторые, приспособленцы, были сыты и обеспечены: они заняли в городе все продовольственные базы и магазины. Когда же мы спрашивали их детей, почему же их отцы не на войне, отвечали они однообразно: а наши папы не умеют воевать. И мы гордились: а вот наши — воевать умеют.

Беженцы

Все четыре военных года и мы, дети, занимались поисками хлеба. Бегали и на базар — так называли в городе рынок. Перед входом в ряды до войны начали что-то строить, вырыли котлован — на этом строительство было остановлено. И вот однажды мы увидели, что из котлована струится дымок — и это в летнюю пору. Заглянули

вниз: женщина с ребенком на руках и двое мальчиков нашего возраста. Над костерком они что-то жарили или палили. Вид жалкий — погибающие люди.

— Что вы делаете? — спросил кто-то из нас.

Женщина подняла лицо — боль и страдание, а не взгляд:

— Живем здесь, некуда нам деться.

— А что жарите?

— Кошку... Воровать не умеем, а жить надо... Из Белоруссии мы... беженцы.

И в наших голодных желудках и в истощенных голодом головах что-то повернулось: «Мы-то хоть по триста граммов хлеба получаем, а у них ничего... Почему так? Зачем?!»

Кино

Во время войны кино обрело особую значимость. Хотелось хоть как-то отвлечься; по деньгам — доступно; косяком пошли фильмы на тему войны — живые события; но главное — киножурналы «Боевой киносборник», где можно было увидеть действительных солдат, действительный бой, действительного немца, ведь понятия военной

цензуры для нас не существовало; из дома в дом ходили слухи: узнала своего сына, увидела мужа живого... И всякий раз переполненный кинозал замирал, когда начинался очередной киносборник.

Кинозрелища нередко представляли собой нечто чудовищное. То, что фильмы крутили по частям и рвалась лента — не в счет. Зал, как правило, бывал переполнен зрителями всех возрастов — от детей-дошкольников до стариков. В зале не только сидели, но и стояли — как в набитом автобусе, — и так полтора-два часа. Изголодавшиеся дети, вместо сахара потребляющие сахарин, с возбужденной психикой, не выдерживали такого режима. А выйти из кинозала — значило не возвратиться. И когда, помню, демонстрировался фильм «Зоя Космодемьянская», весь зал, как говорится, был залит не только слезами...

Кинофильм кончился. Включили свет. Люди отводили друг от друга зареванные глаза...

Рябушка

Где-то гибли наши отцы, громыхала война, долетая до нас голодным эхом, гарию забивая неокрепшие детские бронхи.

А нам казалось, что это пыль и песок, гонимые ветрами. Когда отцветали апрельские подснежники и подсыхали солончаки, тогда ветры поднимали барханный истертый песок и несли его в город. И город, еще не озеленившийся и не облитый дождями, жмурился и теснился в укрытия.

*

Ветер с песком шелестел по стенам домов, дребезжаще позвенькивая стеклами; песок поскрипывал на зубах и забивался в уголки рта. Но и в такую погоду мы с двоюродной сестрой мужественно отправлялись с ведром по задворкам собирать в шлаке неперегоревший уголь, кости, щепочки — все, что могло гореть под плитой в топке.

Сестре к тому времени исполнилось пять лет, а мне шесть. Однако мы считали себя незаменимыми помощниками — что бы и делали без нас! Матери на работе, бабушка тоже на работе, а бабушка весь день стучит на своей старой швейной ножной машинке, что-то перешивая-перелицовывая, и в то же время готовит на плите «голодный обед».

Мы постояли на низком крылечке, поморщили носы, запрокидывая головы в небо,

где за взметанной пылью не было видно голубизны, и наконец отправились на поиски. Все заборы давно были сожжены, и только дом Юшей возвышался, как за крепостной стеной. К этой стене, к куче шлака, мы обычно прежде всего и шли. Но на этот раз только мы повернули за наш дом, как увидели прижавшуюся к завалине рябенькую курицу. Перья ее так и дыбились от ветра.

— Курочка, — как будто пропела за моей спиной сестра. — Рябушка. Заблудилась. — И сестра крадучись пошла к приبلудной курице. Но Рябушка и не думала убегать. Стояла, нахохлившись и закрыв глаза, так что можно было подумать, что она спит. Вздергивая острые плечики, сестра дотронулась до пеструшки, но и тогда она не шелохнулась, только коготочки скребнули землю.

— Она, наверно, больная, — сказал я, — ее надо лечить. — В то время я всех пытался лечить.

Сестра осмелела, присела перед курочкой и стала ее гладить.

— Больнушка, больнушка наша беденькая... А как лечить?

— Я не знаю как. Надо у Юша спросить, у него отец лошадей лечит.

— Не надо Юша. Бабушка все знает. — Рябушка тем временем переступила с лапки на лапку, как будто напоминая, что живая. Но глаза она так и не открывала.

— Давай возьмем ее и понесем к бабушке.

— Ага, курица-то чужая.

— Ну так что — чужая? Она больная, у нее горлышко болит, и она есть не может.

— Как хочешь, — сказал я и взялся за ведро.

Сестра обхватила курицу руками и выпрямилась.

— Одна я не понесу, понесем вместе.

— Что ли, тяжелая?

— Не-а, легонькая, как перышко.

— Ну так и пошли...

И мы понесли больную курицу к бабушке.

Бабушка нажимала ногой на педаль, машинка стучала-шила, а сама швея с опущенными на конец носа очками направляла шов и заунывно пела:

Помню, помню, помню я,

Как меня мать любила.

И не раз, и не два

Она мне говорила:

*«Не ходи ты, мой сынок,
Не водись с ворами:
В Сибирь-каторгу сошлют,
Скуют кандалами...»*

С курицей в руках мы и предстали на пороге. Бабушка шила в трех шагах. Она повернулась на стуле в нашу сторону, посмотрела поверх очков и спросила:

— Где вы ее взяли?

— Около нашей завалинки...

— Она больная. Как ее лечить?..

— Подойди сюда. — Бабушка запустила скрученные работой цепкие пальцы в пеструшкины перья и сказала: — Она не больная, а с голоду подыхает. Чья это курица?.. Видел вас кто-нибудь?..

Через некоторое время бабушка велела нам с сестрой спуститься в мелкое подполье: подала мне курицу, сестре — зажженную керосиновую лампу. Сама спустилась в подполье с большими ножницами в руках. Сначала мы не понимали, что она решила. И только когда бабушка велела мне:

— Держи ее за лапы, — мы всё поняли.

— Не буду, — пробубнил я в ответ и отстранил курицу.

— Баран упрямый, — проворчала бабушка и, прижав курицу к земле, взялась за ножницы...

Я видел, как трясется в руках сестры керосиновая лампа, как дрожат ее губы, а из глаз текут слезы. Бабушка — маленькая, сторбленная полувековой работой за швейной машинкой, седая и очень исхудавшая (она, как черепаха из панциря, выглядывала из своей грубой вязаной кофты, которая до войны была ей в обтяжку) — взяла ножницы и еще раз глянула на меня поверх очков:

— В отца уродился — баран...

И щелкнули тяжелые ножницы, но даже кровью не обагрился металл. Курица так и не открыла глаза... И раскачивались тени над нашими головами от тепла, выходящего из стеклянного пузыря на лампе...

Голод взял свое: мы с сестрой умылись и сели ждать уже варившуюся курицу. Мы курицу никогда не ели, только знали, что ее едят. Бабушка поднимала крышку, и мы, как по команде, заглядывали в кастрюлю, где кувырчалось в кипящей воде сучковатое подобие курицы.

Наконец сели к столу, и нам с трудом было отрезано по части курятины. Но даже

взрослый. С тех пор и началась моя служба в храме — и по сей день длится.

Так через детские страдания, через детское отчаяние, через горечи и радости пролегла моя дорога к вере и храму. Надо было пережить эти мучительные шесть лет, чтобы в конце концов понять — как жить.

Содержание

<i>От издательства</i>	3
От автора	5

ВОЙНА

Поросенок	11
Первая встреча	13
Война	15
Беженцы	18
Кино	19
Рябушка	20
В школе	32
Шапка	36
Погоня	37
Артисты	39
Охота	40
Рыбалка	41
Рак-дурак и ремень в придачу	51
На войну	56
Сухое мясо	59
Победа!	68

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

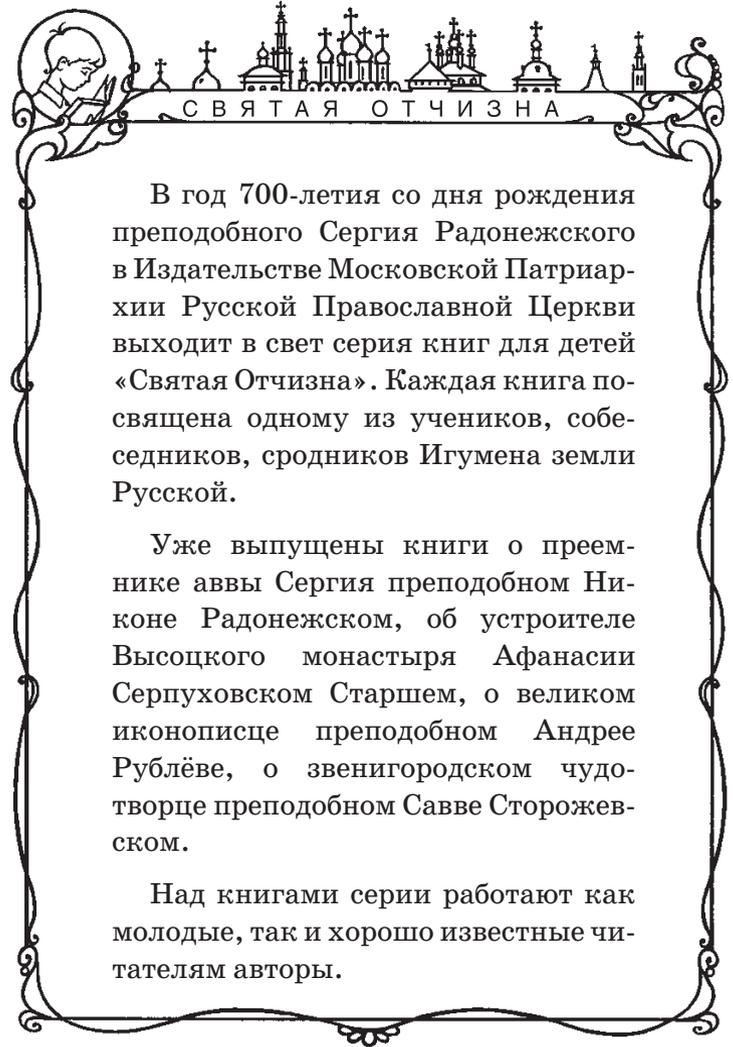
Большая дорога	77
Хоромы	83
Повторение страха	84
Кусок хлеба	86
«Спекулянты»	87
Сигнал	89
Валенки	90
Хозяйка	91
Дрова	95
Две несущки	99
Петя и Поля	102
Весна	107
«Лейтенанты»	112
Как жить?	113
Алтарник	119

Религиозно-просветительское издание

Борис Федорович Споров

ДЕТИ ВОЙНЫ

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редакторы *Т. Соколова, А. Концевенко*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректоры *Е. Седых, Т. Горячева*
Дизайн *А. Семенов*
Верстка *М. Алимпиев*

В год 700-летия со дня рождения преподобного Сергия Радонежского в Издательстве Московской Патриархии Русской Православной Церкви выходит в свет серия книг для детей «Святая Отчизна». Каждая книга посвящена одному из учеников, собеседников, сродников Игумена земли Русской.

Уже выпущены книги о преемнике аввы Сергия преподобном Никоне Радонежском, об устройтеле Высоцкого монастыря Афанасии Серпуховском Старшем, о великом иконописце преподобном Андрее Рублёве, о звенигородском чудотворце преподобном Савве Сторожевском.

Над книгами серии работают как молодые, так и хорошо известные читателям авторы.

Подписано в печать 24.04.2015
Формат 70×100 1/32. Объем 4,0 п. л.
Печать офсетная. Тираж 5 000 экз. Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви.
119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18.

Оптовый отдел реализации:
+7 (499) 246-20-85, +7 (499) 246-52-08.
Магазин на ул. Погодинской: +7 (499) 245-30-68.
Магазин на ул. Бакунинской: +7 (499) 246-25-35.
E-mail: books@rop.ru
<http://www.rop.ru>